

Из книги «Постижение истории» британского историка и философа Арнольда Джозефа Тойнби (1889-1975)

Айрис-Пресс; Москва; 2006

Шесть форпостов в истории Западной Европы

Начало

Западный мир против континентальных европейских варваров

Обратившись к рассмотрению нашей собственной западной цивилизации, цивилизации, сыновне родственной эллинской, мы обнаружим, что западный мир чаще всего ощущал наиболее сильное давление именно в той своей части, где подвергались наибольшему давлению и эллинской, и минойской миры. Уязвимым местом была граница с континентальными европейскими варварами. С другой стороны, мы заметим, что в отличие от эллинского или минойского реакция западного мира на это давление была определенно победоносной. Граница западного христианства с варварами на Европейском континенте постепенно растворялась; и вскоре западное общество обнаружило, что оно находится в контакте не просто с варварами, а с иной цивилизацией. Постоянное напряжение стимулировало жизненную силу западного общества для новых ответов на вызовы.

В первой фазе западной истории на Европейском континенте стимулирующее действие давления со стороны варваров обнаружилось в создании обществом, выросшим из государства-преемника распавшейся Римской империи, новой социальной структуры – варварского княжества франков. Франкский режим Меровингов был обращен лицом к римскому прошлому¹. Франкский режим Каролингов, хотя и предпринял попытку эвокации призрака Римской империи, был, тем не менее, всецело обращен к будущему и к призраку зывал лишь затем, чтобы помочь живым выполнить их сверхчеловеческую задачу. Эта полная трансформация социальных функций франкской державы, эта решительная переориентация франкской политики – всего лишь новое проявление вечной тайны

¹ Первые франкские монархи признавали почетное верховенство Константинопольского престола, сохраняли структуру позднеримской администрации, правда, лишь по отношению к галло-римскому населению. К нач. VIII в. эти римские воспоминания значительно ослабли.

Жизни. «Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое» (Суд. 14, 14). И этот новый акт творения свершился на дальнем европейском форпосте, не в Нейстрии, на почве, удобренной древней римской культурой и защищенной от новых набегов континентальных варваров, а в Австразии [*прим44*], на границе Римской империи, подверженной постоянным набегам со стороны лесных саксов и аваров² из Евразийской степи. Мошь стимула, который возникал под воздействием внешнего давления на франков в Австразии, ярко выражена в достижениях Карла Великого. Восемнадцать саксонских кампаний Карла могут сравниться лишь с военными успехами Тамерлана. За военными и политическими достижениями Карла последовали первые слабые проявления интеллектуальной энергии западного мира.

Австразийская реакция на стимул давления со стороны континентальных европейских варваров – реакция, достигшая апогея при Карле Великом, – не была заключительным актом. На некоторое время она затихла, а потом началось новое оживление. Наступила саксонская реакция на внешний стимул, которая достигла своего апогея при Оттоне I³.

Главное достижение Карла Великого заключалось в объединении континентальных варваров-саксонцев под эгидой западного христианства, чем был подготовлен путь для перехода главенства Австразии к родине побежденных и насильственно обращенных варваров. Он сделал Саксонию форпостом против континентальных варваров, которые стимулировали развитие этой области постоянным давлением из глубины

² Авары – тюркский народ, совершавший нападения на Византию, славян и франков, создал в сер. VI в. в бассейне Дуная государство – Аварский каганат, – разгромленное в VIII в. франками.

³ Император Оттон I, из рода герцогов Саксонских, расширил границы Империи за счет земель полабских (Лаба – славянское название р. Эльбы) славян-вендов и остановил венгерское наступление в битве при р. Лех в 955 г. Но устремления его были направлены не только на восток: он присоединил Северную и Среднюю Италию и короновался Лангобардской и Римской коронами.

континента. В дни Оттона стимул давления вызвал в Саксонии реакцию, аналогичную той, которая в дни Карла Великого была характерна для Австразии: и снова ответный удар западного христианства достиг цели.

Оттон уничтожил вендов, как Карл Великий уничтожил своих собственных саксонских предков. Континентальные границы западного христианства неуклонно перемещались на восток – частично благодаря добровольному обращению варваров в христианство, частично – с помощью силы. Магьяры, поляки и скандинавы были обращены в христианство на рубеже X-XI вв. при режиме Оттонов. И только обитатели континентального побережья Балтийского моря оставались непокорными. На этом участке саксонский форпост призван был продолжить борьбу Оттона против вендов, которые в упорных сражениях продержались два столетия, пока западное христианство не продвинулось с линии Эльбы на линию Одера. Окончательная победа была достигнута обращением вендов в Мекленбурге в 1161 г. и уничтожением непокорных в Бранденбурге и Мейсене⁴.

В XIII–XIV вв. процесс вестернизации был продолжен германцами, которые преуспели в христианизации варваров при помощи двух очень важных западных институтов: города-государства и военного монашеского ордена. Города Ганзы и походы тевтонских рыцарей обеспечили продвижение границы западного христианства от линии Одера до линии Двины. Обращенные в западное христианство скандинавы также расширяли свои владения: датчане – за счет Эстонии, а шведы – Финляндии⁵. Это был последний всплеск застарелого конфликта, ибо к концу XIV в. континентальные европейские варвары, противостоявшие в течение трех тысячелетий трем развитым цивилизациям, исчезли теперь с лица земли⁶. К 1400 г. западное и право-

славное христианство, ранее полностью изолированные друг от друга, оказались в прямом соприкосновении по всей континентальной линии от Адриатического моря до Северного Ледовитого океана.

Интересно проследить, как на границе молодого западного христианства с европейским варварством изменялся с течением веков вектор давления, меняя тем самым и место возникновения стимула.

Например, коренные саксонцы к западу от Эльбы пережили закат в результате побед Оттона над вендами, подобно тому как Австразия за два века до этого утратила гегемонию в результате побед Карла Великого над саксонцами. Саксония лишилась лидирующего положения в западном мире в 1024 г., то есть после того, как венды потерпели поражение на Эльбе. В 1182-1191 гг., когда граница западного мира продвинулась от Эльбы до Одера. Саксония распалась на части. Новое возрождение Саксонии началось с форпоста Мейсен – территории, отвоєванной западным христианством у вендов⁷.

По мере того как продвигалась вслед за отступающими варварами граница западного христианства, влияние власти Священной Римской империи все уменьшалось. Утрачивали значение имперские институты. И если они еще имели значение в Австразии в VIII в. и сохранялись в какой-то мере в Саксонии, то по пути дальнейшего продвижения христианства они постепенно размывались.

Таким образом, жизненная мощь Священной Римской империи изменялась по мере изменения ее границ, и было это в прямой зависимости от силы давления со стороны варваров или чужих цивилизаций. Империя утратила витальность, стоило давлению со стороны варваров пойти на

⁴ Бранденбург (славянское княжество Бранибор) был окончательно захвачен в 1151-1157 гг., Мейсен (Мишны) – еще в XI в., населенный славянским народом поморян, Мекленбург вошел в Империю в 1166 г.: население последнего подверглось не истреблению, а активному онемечиванию.

⁵ Территория нынешней Эстонии была в 1202-1210 гг. завоевана орденом меченосцев (с 1237 – автономная часть тевтонского ордена под названием «ливонский орден»). После распада ливонского ордена и Ливонской войны 1556-1583 гг. Эстония отошла к Швеции (в сер. XVII в. она получила и занятый датчанами в 1560 о. Сааремаа), а в 1721 г. по Ништадтскому миру – к России. Финляндия принадлежала Швеции с сер. XIII в. по 1809 г. когда была передана Российской Империи.

⁶ Имеется в виду Кривская уния 1385 г., объединение

Польши и Литвы. скрепленное браком польской королевы Ядвиги и литовского великого князя Ягайлы, ставшего польским королем под именем Владислава II (1386-1434). По этой унии католичество становилось в Литве официальной религией. В 1392 г. уния была расторгнута, в 1401 г. – восстановлена при сохранении отдельного Литовского государства, с 1440 г. литовские великие князья из рода Ягайло (Ягеллоны) являлись одновременно польскими королями.

⁷ Саксонская династия прекратила существование в 1024 г., уступив место Французской (Салической). В 1181 г. Генрих Лев из дома Вельфов (1129-1195) Герцог Саксонии и Баварии, потерпев поражение в борьбе с императором Фридрихом I Барбароссой (ок. 1125-1190), император с 1152), утерьял большую часть своих владений, в том числе и те, которые он захватил у славянского племени ободритов (бодричей). Центром будущего курфюршества (позднее – королевства) Саксонии, этой родины новой немецкой культуры, стала Мейсенская марка со столицей Дрезденом.

убыль, а затем вновь восстановила жизненные силы, как только началось давление со стороны османов. И наоборот, мы видим, что витальность варваров, которые оставались вне западной цивилизации, и варваров, которые оказались общенными к цивилизации обращением их в христианство, имела тенденцию возрастать, по мере того как увеличивалось давление на них со стороны западного мира.

Литовцы последними из европейских язычников испытали в XIII–XIV вв. порыв крестовых походов, – порыв, который еще сохранялся в Европе, несмотря на полный провал крестовых предприятий в Сирии. Штаб-квартира тевтонских рыцарей перебазировалась в 1308 г. с сирийского побережья в Мариенбург вследствие неудачи похода в 1291 г. в Святую Землю⁸. Мариенбург находился в бассейне Вислы, и внимание тевтонского ордена целое столетие было приковано к Литве. Это смертельное давление Запада на литовцев стало причиной того, что и литовцы получили стимул к завоеванию и в свою очередь двинулись в земли русского православного христианства. Наиболее успешными для литовцев были кампании в верхнем бассейне Днепра, а также против евразийских кочевников Кипчакской степи. Борьба с орденом достигла своего апогея в 1363 г., когда литовцы, оттесненные орденом с берегов родного Балтийского моря, фактически достигли далеких берегов Черного моря⁹. Энергия обратилась в военную мощь, которую поначалу литовцы направили против других соседей, однако под непрерывным давлением со стороны ордена она обернулась в конце концов против западных противников и позволила нанести контрудар по тевтонским рыцарям.

Временное политическое могущество Литвы как реакция на крестовый поход тевтонских рыцарей нашло свое отражение и в геральдической эмблеме Литовского государства: всадник и конь

⁸ 1291 г. считается концом эпохи крестовых походов потому, что пал последний оплот крестоносцев на Святой Земле – крепость Сен-Жан-д'Акр (Акра, Акка, Аккон); как такового крестового похода в этом году не было.

⁹ События несколько смещены. Киевские земли вошли в состав Литовского княжества ок. 1362 г. при князе Ольгедзе (Альгирдасе; 1345-1377): в 1369 г. он разбил татар в Диком поле (территория между нижними течениями Днепра и Днестра), но завоеваны эти земли были Витовтом (Витаутасом; 1392-1430). Самый сильный удар со стороны тевтонского ордена был нанесен в правление Владислава Ягайлы (литовский князь в 1377-1392), когда немцы захватили Западную Литву-Жемайтию.

в латах. К удивлению и полнейшей растерянности тевтонских рыцарей, этот варвар в латах доскакал до их владений, чтобы сразить рыцарей в битве под Танненбергом¹⁰.

Однако столь мощный рывок был совершен литовцами лишь после того, как они приняли религию, культуру и военную технику своих врагов. Стимулирующее воздействие оказывала на Литву и энергия западнохристианского соседа, который также был жертвой агрессии ордена, что в свою очередь побудило его к активным действиям. Литовским союзником была Польша, принявшая к концу X в. христианство и призвавшая тевтонский орден на помощь с целью расширения границ западного христианства за счет языческих Литвы, а затем Пруссии. Куявский князь¹¹, опрометчиво позволивший тевтонским рыцарям обосноваться на берегах Балтийского моря, заложил тем самым основу будущего величия Польши, спровоцировав новое германское давление, во много раз более опасное, чем прусско-литовское, от которого он, собственно, и стремился освободиться, Тевтонским рыцарям, которые обходились с польскими неопитами не лучше, чем с язычниками, было все равно с кем воевать, а поляки, бывшие уже к тому времени в лоне западного христианства, могли эффективнее, чем их языческие соседи, противостоять военной силе, оснащенной по последнему слову тогдашней техники.

Тем не менее, в XIII в. тевтонские рыцари бесцеремонно лишили поляков исконно им принадлежащего побережья Балтийского моря в Померании, воспользовавшись тем, что Польша вела в то время религиозные войны в Литве и в Пруссии. После этого в XIV в. это же давление вызвало аналогичную реакцию в Польше и Литве.

Пока польские княжества Куявия и Мазовия¹² разорялись орденом, ядро Польского коро-

¹⁰ Битва между польско-литовским и орденовыми войсками, приведшая к разгрому тевтонского ордена, произошла 15 июля 1410 г. в районе между городами Таннебергом, Грюнвальдом и Людвигсдорфом. В отечественной литературе она именуется Грюнвальдской битвой, в западной – битвой при Таннеберге.

¹¹ Образовавшееся в 1-й пол. XIII в. в Средней Польше независимое княжество Куявия вошло в состав коронных земель в 1388 г.

¹² Княжество Мазовия возникло в X в., в XIII в. распалось на отдельные части. Мазовецкие княжества, группировавшиеся вокруг Варшавского удела, с XIV в. находились под верховной властью Польши, окончательно вошли в нее в

левства было укреплено Казимиром Великим (1333-1370)¹³, правление которого совпало со временем юго-восточной экспансии Литвы. В своей политике Казимир Великий старался избегать военных столкновений с тевтонцами, но последователи Казимира поняли, что Польша не сможет найти общего языка с крестоносцами и, более того, она не сможет противостоять им в одиночку. Пришлось тщательно продумывать вопрос о возможных военных союзниках. Первым успехом польской дипломатии стал союз с Лайошем Великим, венгерским королем анжуйской династии¹⁴. Союз просуществовал с 1370 по 1382 г. и распался, поскольку интересы обеих сторон не совпадали. Венгрия не хотела ссориться с врагами Польши, а Польша – с врагами Венгрии. Особенно упрочил положение Польши династический брак польской королевы Ядвиги с литовским князем Ягайлой в 1386 г., условием которого было принятие Ягайлой западного христианства.

Именно Ягайло начал контрнаступление против тевтонского ордена, возглавив соединенные силы Литвы и Польши в битве при Танненберге в 1410 г. Успех Ягайлы был развит его последователями, и в 1466 г. тевтонский орден становится вассалом Польши. Таким образом, в результате объединенной польско-литовской реакции на давление со стороны тевтонского ордена положение борющихся сторон стало прямо противоположным. До 1410 г. владения ордена распространялись на континентальное побережье Балтики от восточной границы Священной Римской империи до южного берега Финского залива; и Литва, и Польша были лишены доступа к балтийскому побережью. После 1466 г. Польша и Литва вернули свои исконные земли на Балтике, тогда как последние владения тевтонского ордена оказались раздробленными и изолированными.

Западный мир против Московии

1526 г.

¹³ Казимир (Казимеж) Великий значительно раздвинул пределы Польши, но вынужден был уступить в 1343 г. Поморье тевтонскому ордену.

¹⁴ После смерти последнего представителя национальной венгерской династии Арпадов на престол был избран потомок герцогов Анжуйских, близких родственников французского королевского дома. Вторым представителем Анжуйской династии, Людовик (Лайош) I Великий (1326-1382, король Венгрии с 1342), после смерти Казимежа Великого принял Польскую Корону как муж сестры бездетного Казимежа. После кончины Людовика венгерско-польская уния распалась.

Почему Польша и Литва вновь обособились, после того как их объединило давление со стороны крестоносцев? Вопрос тем более правомерен, что аналогичные процессы происходили в Скандинавии. Приобщившись к западной цивилизации через обращение в западное христианство одновременно с Польшей, Скандинавия, так же как и Польша, подверглась давлению со стороны более развитых членов западного общества. В XIII–XIV вв., когда Польша противостояла тевтонскому ордену, Скандинавия испытывала давление со стороны Ганзы, что вызвало ответную реакцию – объединение трех скандинавских королевств в Кальмарскую унию в 1397 г. Это было ответом на агрессию Ганзейской Лиги, подобно тому как союз Польши и Литвы 1386 г. был ответом на агрессию тевтонского ордена. Союзы, однако, имели весьма различные истории. Кальмарская уния распалась в 1520 г., после того как Ганза обескровилась в результате открытия Америки и перемещения торговых путей в Атлантику. С другой стороны, поражение тевтонского ордена в 1466 г. не повлекло за собой разрыва между Польшей и Литвой. Наоборот польско-литовский союз еще более укрепился в 1501 г., а Люблинский договор 1569 г. был расторгнут только в 1795 г.¹⁵

Почему же союз между Польшей и Литвой, который поддерживался до конца XVIII в., вдруг был полностью аннулирован? Ответ на этот вопрос можно получить, лишь учитывая тот факт, что и Польша, и Литва стали испытывать новое давление – на этот раз со стороны Московии. Экспансия Литвы в направлении православной России достигла наибольшего размаха приблизительно в середине XV в. В течение следующего века под эгидой Москвы объединилось множество ранее враждовавших между собой княжеств, образовав Московское универсальное государство. И в 1563 г., то есть за несколько лет до польско-литовской Люблинской унии, это вновь образованное новое русское универсальное государство стало оказывать давление на западный мир вдоль восточной границы Литвы, проходившей тогда западнее Смоленска к востоку от

¹⁵ Александр Ягеллон (1460-1506), великий князь Литовский с 1492 г., став в 1501 г. польским королем, заключил с сословиями Мельницкий договор, по которому Ягеллоны не фактически, по избранию, а юридически, по праву наследования становились польскими королями. В 1569 г. в г. Люблине была заключена уния, объединявшая Польшу и Литву в единую Речь Посполитую, с общими государственными учреждениями и относительно незначительной автономией Литвы.

Полоцка Двинского¹⁶. Таким образом, объединенная общественная система Польши и Литвы обрела новую функцию, а вместе с ней и новую жизненную энергию, превратившись в форпост западного мира, принимающий на себя давление православного христианства.

Польша разделила эту функцию с королевством Швеции, которое вышло из Кальмарской унии в 1520 г. Реакция западного общества на новое русское давление вылилась в польский и шведский контрудары. Поляки в 1582 г. вновь оккупировали Смоленск, а с 1610 по 1612 г. удерживали Москву. По договору от 1617 г., заключенному между Швецией и Московией, Россия лишилась доступа к Балтийскому морю¹⁷.

¹⁶ Здесь и ниже не очень точно изложены события Ливонской войны между ливонским орденом, Швецией, Польшей и Литвой, с одной стороны, и Россией – с другой. Война эта, формально вызванная отказом ливонского ордена выполнять условия договора 1554 г. и начавшаяся в 1558 г., привела на первом этапе к занятию русскими к 1561 г. большинства орденских земель. В том же году рыцарство Северной Эстонии присягнуло шведскому королю, а остальные земли по решению орденского руководства передавались Польше. Указанные страны вмешались в конфликт, что привело к походу русских на Литву, причем в 1563 г. был взят Полоцк, с 1307 г. входивший в состав литовского государства. До 1577 г. военные действия проходили с переменным успехом, но в этом году Иван Грозный задумал грандиозный поход в Ливонию, окончившийся полным крахом: в 1579 г. пришлось отдать Полоцк, были разграблены и сожжены предместья Смоленска (город устоял), в 1580 г. пали Великие Луки. По Ям-Запольскому миру 1582 г. Полоцк и почти вся Ливония отошли к Польше, по Плюсскому перемирию со Швецией Россия лишалась выхода к Балтике (Тязьвинский мир 1595 г. вернул Москве устье Невы).

¹⁷ Упомянуты события т. н. Смутного времени. Поход Лжедмитрия I в 1604-1605 гг. на Россию формально войной не был, и крайне незначительное его войско состояло из 2 тыс. казаков и 1 тыс. поляков, действовавших на свой страх и риск (Польша помогала самозванцу активно, но негласно). Поляки и литовцы в лагере Тушинского вора в 1607 г. выступали от своего имени против польского короля Сигизмунда III. После свержения Василия Шуйского в 1610 г. русским царем был объявлен сын Сигизмунда королевич Владислав, и лишь тогда польский король ввел свои войска в Россию (польский отряд стал в Москве) и стал требовать корону уже не для сына, а для себя. В 1611 г. поляки взяли Смоленск, а месяцем позже в Новгород вступил шведский отряд, находившийся в России по договору с Василием Шуйским. Шведы выдвинули предложение об избрании шведского принца русским царем, но удовлетворились переходом Новгорода в зависимость от Шведской Короны. После освобождения Москвы от поляков и воцарения Михаила Романова война с Польшей и Швецией продолжалась. Истощенная Россия заключила со Швецией в 1617 г. Столбовский мир, по которому та возвращала Новгород, но выход к морю для Руси оставался закрытым. В 1618 г. с Польшей в дер.

Однако давление на Россию со стороны Польши и Швеции в XVII в. было столь яростным, что оно неминуемо должно было вызвать ответную реакцию. Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе «вестернизации», которую возглавил Петр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ Маньчжурской империи. Таким образом, форпосты западного мира утратили свое значение в результате контрудара, искусно нанесенного западному миру Петром Великим, всколыхнувшим нечеловеческим усилием всю Россию. Поляки и шведы вдруг обнаружили, что почва выскальзывает из-под ног. Их роль в истории западного общества была сыграна; и после того, как стимул, обусловливавший рост их витальности, исчез, начался быстрый процесс разложения. Понадобилось чуть больше столетия, считая с подвигов Петра, чтобы Швеция лишилась всех своих владений на восточных берегах Балтийского моря, включая свои исконные земли в Финляндии. Что же касается Польши, то она была стерта с политической карты.

Западный мир против Османской империи

Таким образом, история Польши и Швеции начала XVI – конца XVIII в. наилучшим образом объяснима в контексте русской истории и истории православного христианства в России. Польша и Швеция процветали, пока на них лежало исполнение функций антирусских форпостов западного общества; но они пришли в упадок, закончившийся политическим крахом, как только Россия в своем мощном порыве лишила их этих функций. Посмотрим теперь на историю Дунайской монархии Габсбургов, которая хронологически почти совпадает с историей Польши и историей Швеции. Швеция расстроила Кальмарскую унию 1397 г., отколовшись от Дании и Норвегии в 1520 г.; Польша еще более укрепила польско-литовский союз 1386 г. в 1501 и 1569 гг. Дунайская монархия начала свое

Деулино было заключено перемирие, по которому за ней оставался Смоленск (возвращен России в 1686), но Владислав отказался от претензий на российскую корону.

существование благодаря союзу Венгрии и Богемии с Австрией Габсбургов в 1526 г.¹⁸.

Польша и Швеция играли роль форпостов западного общества на границе с универсальным государством православного русского христианства. Дунайская монархия исполняла роль форпоста против универсального государства православного христианства на Балканском полуострове¹⁹. Позже сюда пришла Оттоманская империя. Дунайская монархия была вызвана к существованию в тот момент, когда оттоманское давление на западный мир стало по-настоящему смертельным, и оставалась великой европейской державой, пока это давление не прекратилось. По мере того как давление спадало, ослабевала и Дунайская монархия. Во время первой мировой войны 1914-1918 гг., когда Оттоманская империя получила последний смертельный удар, распалась на части и Дунайская монархия.

Давление Оттоманской империи на западный мир вылилось в столетнюю войну между османами и венграми, которая началась в 1433 г.²⁰ и достигла своей кульминации в битве при Мохаче в 1526 г.

Венгрия была наиболее упорным и стойким противником османов. Ее военная мощь постоянно стимулировалась тем гигантским напряжением, которое Венгрия вынуждена была выдерживать в одиночку в своем противоборстве с османами. Диспропорция в соотношении сил была, однако, столь велика, что Венгрия в ходе столетней борьбы не раз пыталась найти союзников. В конце концов, произошел надлом Венгрии, и образовалась Дунайская монархия Габсбургов, ибо те непрочные и эфемерные союзы, что удавалось заключить Венгрии, были

¹⁸ В 1526 г. в битве при городе Мохаче на Дунае турки разгромили чешско-венгерское войско во главе с Людовиком II, королем обоих государств; он пал в бою, и обе короны получил Фердинанд I Габсбург, брат императора Карла V и сам будущий император. Основная территория Венгрии оказалась в руках турок, и Габсбургам досталась лишь часть ее, а также входившее в состав Венгерского королевства королевство Хорватия и Славония.

¹⁹ До появления турок на Балканах Дунайской монархии в понимании А. Тойнби не существовало. Венгерское королевство не вело длительных войн со своими православными соседями – Сербией и Болгарией, а те проявляли свою активность более против единой Византии, нежели против католического Запада.

²⁰ Венгерский король Сигизмунд I (1363-1437, король с 1387, император с 1411) возглавил в 1396 г. крестовый поход против турок, закончившийся поражением под Никополем (совр. Никополь в Болгарии). В 1444 г. король Польши и Венгрии Владислав III Ягеллон был разбит турками под Варной.

явно недостаточны, чтобы дать ей необходимое подкрепление в неравной борьбе с османами. Эти союзы отсрочили, но не предотвратили тот сокрушительный удар, который османы нанесли Венгрии под Мохачем; и только катастрофа столь огромного масштаба стала тем психологическим шоком, который заставил остатки Венгрии объединиться с Богемией и Австрией в прочный и продолжительный союз под началом династии Габсбургов. Результат последовал незамедлительно. Союз, заключенный в год битвы при Мохаче в 1526 г., оставался в силе почти триста лет. Аннулирован он был лишь в 1918 г., когда Оттоманская империя, четыре века назад нанесшая динамический удар, окончательно развалилась.

В самом деле, с момента основания Дунайской монархии ее история была органически связана с историей враждебной державы, давление со стороны которой на каждой последующей фазе давало новый импульс витальности. Героический век Дунайской монархии хронологически совпал с периодом, когда оттоманское давление ощущалось на западе с особенной силой. Этот героический век можно отсчитывать с начала первой неудачной оттоманской осады Вены в 1529 г. и до конца второй осады – в 1682-1683 гг. Роль австрийской столицы, как психологическая, так и стратегическая, в этих серьезных испытаниях столь велика, что может сравниться с ролью Вердена во Франции, который отчаянно сопротивлялся немецкому напору во время войны 1914-1918 гг.²¹ Эти две осады были поворотными пунктами в оттоманской военной истории. Провал первой остановил волну захватчиков, хлынувшую в дунайскую долину еще век назад. За второй неудачей последовал отлив, который продолжался, пока европейские границы Турции не переместились из предместий Вены, где они были в 1529 г., до предместий Адрианополя в 1683 г.²² Потери Оттоманской империи, однако, не стали приобретениями Дунайской монархии,

²¹ С 21 февраля по 21 декабря 1916 г. 5-я германская армия безуспешно пыталась прорвать фронт французских войск около г. Вердена в Северной Франции. Неудача немцев предопределила исход первой мировой войны на Западном фронте.

²² По Карловицкому миру, закончившему австро-турецкую войну 1683-1699 гг., Австрия получила большую часть Венгрии, Трансильванию, Хорватию и др. Хотя войска ее и ее союзников – Венецианской республики, Польши, России – проникли в глубь оттоманской территории до г. Эдирне, древнего Адрианополя, полного освобождения народов Балканского полуострова оставалось ждать еще более двух столетий.

ибо героический век Дунайской монархии также был на излете. Избавившись от враждебного давления. Дунайская монархия лишилась и вдохновлявшего ее стимула. Таким образом, оказавшись не в состоянии стать наследницей Оттоманской империи в Юго-Восточной Европе, Дунайская монархия пришла в упадок, и ее, в конце концов, постигла судьба Оттоманской империи.

Успешно контратаковав османов и отбросив их от стен Вены в 1683 г., Габсбурги оказались во главе антиоттоманской коалиции, включившей в себя Венгрию, Польшу и Россию; однако им не удалось отплатить османам осадой Константинополя. Мирный договор 1699 г. вернул венгерской короне большую часть ее исконных территорий; мирный договор 1718 г. фактически отодвинул границу глубоко за линию, вдоль которой она проходила два века назад. Однако Белградский мирный договор 1739 г. пересмотрел границу в пользу османов²³. Белградская крепость, которую принц Евгений²⁴ вырвал из рук османов в 1717 г., вновь отошла к Оттоманской империи, и, хотя австрийские войска вновь заняли Белград в австро-турецкой войне 1788-1791 гг., а затем в мировой войне 1914-1918 гг., Белград ждала другая судьба. Он вырвался из рук Оттоманской империи в 1806 г., чтобы стать столицей государства-преемника Оттоманской империи. Взятый сербами у австрийцев в 1918 г., он стал столицей Югославии, которая является государством-преемником как империи Габсбургов, так и Оттоманской империи²⁵. Что касается восточной границы Дунайской монархии, то она надолго застыла на линии, установленной в 1739 г. В течение ста восьмидесяти лет Белградского мира и до заключения

²³ По Пассаровицкому мирному договору 1718 г. Австрия получила от Турции Северную Сербию с Белградом, Северную Боснию, часть Валахии и Банат (историческая область в пределах нынешних Румынии и Югославии). Белградский договор 1739 г. был благоприятен для России – она получила Азов, – но не для ее союзника Австрии.

²⁴ Имеется в виду принц Евгений Савойский (1667-1736), один из знаменитых полководцев Австрийской империи.

²⁵ В результате Первого сербского восстания 1804-1813 гг. Сербия получила автономию в рамках Оттоманской империи. 1830-1833 гг. принесли Сербии статус самоуправляющегося княжества, 1878 г. – полную независимость (с 1882 – королевство). В 1915 г., во время первой мировой войны, Сербия была оккупирована австрийцами. После распада Австро-Венгрии независимые Сербия и Черногория и принадлежавшие монархии Габсбургов Хорватия, Словения и Босния и Герцеговина объединились в 1918 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

договора о прекращении военных действий в 1918 г., когда габсбургская монархия подписала собственный смертный приговор, монархия сделала только два территориальных приобретения, причем весьма скромных по значению и размерам (Буковина занята в 1774-1777 гг., Босния и Герцеговина оккупирована в 1878 г. и аннексирована в 1908 г.)²⁶. Тем не менее, с 1683 по 1739 г. габсбургская граница в этой части продвинулась достаточно далеко, чтобы предохранять Вену от опасных ситуаций. И это обстоятельство сыграло существенную роль в истории развития города, наложив отпечаток на его облик и характер.

Слава, которую Вена приобрела, сдерживая турок в 1529 г. и в 1682-1683 гг., несколько померкла в годы французских оккупаций XIX в. Венцы утратили со временем ореол защитников западного христианства и воспринимаются в наши дни как воплощение характера привлекательного, но отнюдь не героического, сочетающего открытость и дружелюбие с утонченностью и изяществом.

Присмотревшись внимательнее, мы убедимся, что судьба Австро-Венгрии аналогична судьбе польско-литовского государства. Польское давление на Россию в первом десятилетии XVII в. положило начало вестернизации русского православного христианства²⁷ и тем самым заложило основы для того, чтобы Польша как *антирусский форпост западного общества* стала излишней. Австрийская контратака против османов, предпринятая в последние два десятилетия XVII в., положила начало вестернизации православного христианства на Балканском полуострове и тем самым лишила Дунайскую монархию Габсбургов статуса *антиоттоманского форпоста западного общества*.

Эта параллель сохраняется и в деталях. Например, когда по инициативе Петра Великого началась вестернизация России, российские государственные изменения вдохновлялись не отсталой и враждебной Польшей, которая для России была самым близким западным соседом. Петр обращался преимущественно к Германии, Голландии и Англии – странам, находившимся в

²⁶ И Буковина (историческая область на территории Украины и Румынии), и Босния и Герцеговина долгое время принадлежали Турции.

²⁷ Мнение А. Тойнби о начале западного влияния в России находит подтверждение во взглядах многих отечественных историков; они относили это явление, правда, к сер. XVII в.

авангарде прогресса западной цивилизации и, кроме того, не обремененным грузом враждебности по отношению к России. Аналогичным образом, когда процесс вестернизации начался в основной области православного христианства – на Балканском полуострове (правда, там он шел менее последовательно и углубленно, чем в России), – османы и их подданные, стимулированные австрийской контратакой, также черпали свое вдохновение не у Габсбургов. Османы обращались к Франции, которая была их естественным западным союзником, являясь постоянным конкурентом австрийского двора.

Что касается православно-христианских народов Оттоманской империи, то они сначала приветствовали австрийцев как братьев-освободителей, но затем поняли, что формальная католическая терпимость к «еретикам»-вещь куда более жесткая, чем четко очерченный регламент для «неверных» при мусульманском правлении. Прошедшие через все испытания, лишённые иллюзий за недолгий период австрийского и венецианского правления в начале XVIII в., сербы и греки быстро повернулись к своим русским единоверцам, когда те продемонстрировали преимущества вестернизации, победив османов во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг.²⁸ Однако православные христиане на Балканском полуострове не пошли окольным путем в поисках вдохновения для «обновления». Они научились добывать живую воду из главного источника, обратившись к идеям Американской и Французской революций. Христиане Балканского полуострова вступили в непосредственный контакт с лидирующими нациями Запада во время египетской кампании Наполеона. До окончания наполеоновских войн основная область православного христианства получила закваску романтического национализма, присущего духу Запада того времени²⁹, и это стало началом конца габсбургской монархии.

²⁸ Русско-турецкая война 1768-1774 гг. закончилась Кючук-Кайнарджийским миром, по которому Османская империя признавала независимость Крымского ханства, открытие Черного моря для русского мореплавания, протекторат России над Валахией и Молдавией и присоединение Керчи и (окончательно) Азова.

²⁹ Активное западноевропейское влияние на ряд славянских регионов Балканского полуострова началось в период наполеоновских войн. По Пресбургскому (1805) и Шенбрунскому миру к Франции от Австрии отошли Хорватия и Славония (Северная Сербия), образовав т.н. Иллирийские провинции, получившие название по римской провинции Иллирии. Вестернизированное культурное движение с сильной романтической окраской – т.н. иллиризм – развернулось в 30-40-е годы XIX в. в возвращенных Австрии

Тщетно монархия под воздействием стимула повторяющихся ударов Наполеона брала на себя главную роль в свержении Наполеона; не помогло и то, что она учредила потом Венский конгресс. В то время как на внешней арене Меттерних искусно пропагандировал преимущества реставрации дореволюционного режима в Западной Европе, чтобы обеспечить Дунайской монархии европейскую гегемонию, ранее ей не принадлежавшую, конкретная политическая реальность никак не вписывалась в эту схему. В действительности Дунайская монархия начиная с 1815 г. оказалась между двух огней. Одна голова австрийского орла³⁰ с тревогой взирала на восток в сторону Оттоманской империи, другая настороженно смотрела в направлении западного мира. Поворот Дунайской монархии от ближневосточных дел к западным совпал с процессом ослабления давления со стороны Оттоманской империи. Эта тенденция проявилась в Тридцатидневной войне³¹. Новый противник таился в самом духе времени, в которое вступало западное общество, и подстерегал монархию со всех сторон.

Таким образом, ситуация действительно изменилась в ходе века, и прежде всего с ущербом для монархии. В канун войны 1672-1713 гг.³² Дунайская монархия все *еще* чувствовала себя в безопасности. С одной стороны – нейтральное православное христианство, а с другой –

Хорватии и Славонии. Иллирийцы (в основном интеллигенты и либерально настроенные дворяне) выступали за литературно-языковое единство южнославянских народов как предпосылку создания «Великой Иллирии», требовали также автономии своих территорий. Романтизм привлекал иллирийцев культом родной земли, национальной истории и традиций.

³⁰ Гербом Австрии был черный двуглавый орел.

³¹ Австро-прусская война за главенство среди германских государств получила название Тридцатидневной, хотя началась она 16 июня 1866 г. вторжением Пруссии на территории союзников Австрии – Гессена, Ганновера и Саксонии, – достигла кульминации 3 июля, когда в битве при местечке Садовы в Чехии австрийская армия была разбита наголову, закончилась 26 июля перемирием в Никольсбурге и – окончательно – Пражским мирным договором 23 августа. Поражение Австрии расчистило путь к объединению Германии вокруг Пруссии.

³² Имеется в виду серия войн между Францией и ее противниками, в первую очередь с Англией, Голландией и Австрией. Вторая (1672-1679) и третья (1688-1697) войны закончились в целом успехом Франции. Четвертая, и последняя, война (1701-1714), т.н. Война за испанское наследство, привела к тому, что Филипп Анжуйский утвердился на испанском престоле, но ему пришлось отказаться от всех прав на престол французский и отдать часть испанских владений, в частности, передать Австрии Нидерланды и некоторые территории в Италии.

западное общество, к которому монархия не только принадлежала, но и служила ему щитом от оттоманских сабель. Однако век спустя, к 1815 г., хотя Дунайская монархия и вышла из войны с еще большим триумфом, чем в 1714 г., охранительная функция, а вместе с ней и безопасность были утрачены. Турецкая сабля выпала из дряхлой руки, и окостенелость Дунайской монархии стала препятствовать внутреннему росту того общества, жизнь которого она когда-то уберегла от нападков смертельно опасного внешнего врага. Под воздействием Нидерландской, Английской, Американской и Французской революций в жизни западного общества утвердился новый политический порядок – взаимное признание законов и обычаев других стран, – в условиях которого династическое государство типа габсбургской монархии стало анахронизмом и аномалией. В попытках возродить дореволюционный режим в Европе на основе *принципа династического наследования* и *принципа национальности* Меттерних превратил монархию из пассивного призрака былого в активного врага западного прогресса, – врага, по-своему более опасного, чем одряхлевший оттоманский враг.

Монархия провела последнее столетие своего существования в попытках – все они были изначально обречены на провал – помешать неизбежным переменам на политической карте Европы. В этом бесполезном устремлении есть два пункта, представляющие интерес для нашего исследования. Первый касается того, что начиная с 1815 г. забродили западные дрожжи национализма, причем процесс этот охватил как православно-христианские народы, так и западное общество. Второй пункт заключается в том, что монархия, подчиняясь необходимости следовать духу времени, сумела приспособиться к новым реальностям. Отказавшись от гегемонии над Германией и уступив территории в Италии в 1866 г.³³, габсбургская монархия сделала возможным сосуществование с новой Германской империей и новым королевством Италия. Приняв австро-венгерское соглашение 1867 г. и его австрийское дополнение в Галиции, габсбургская династия преуспела в отождествлении своих интересов с интересами польского, мадьярского

³³ В процессе объединения Италии вокруг Пьемонта был ряд столкновений с Австрией. В результате войны 1859 г. к нему отошла Ломбардия. После поражения Австрии в Тридцатидневной войне та передала образованному в 1861 г. итальянскому королевству Венецианскую область.

и немецкого элемента в своих владениях³⁴. Проблема, которую габсбургская монархия так и не сумела решить, подстергала ее на Балканах. Неспособность справиться с национальным движением в этой части своих владений привела в конце концов монархию к полному развалу. Старый дунайский щит западного общества, выдержавший столько сабельных ударов, был в конце концов разбит сербскими штыками.

В 1918 г. юго-восточная граница Дунайской монархии Габсбургов – граница, просуществовавшая сто восемьдесят лет, была стерта с политической карты Европы. Родились два новых национальных государства – Югославия и Большая Румыния³⁵, – что было символом триумфа нового порядка. Каждое из этих государств есть государство-преемник как габсбургской монархии, так и Оттоманской империи: и каждое из этих образований представляет собой не только территории, унаследованные от двух разных династических государств, но также народы, объединенные по принципу национальности и хранящие следы культуры двух разных цивилизаций. Этот смелый политический эксперимент может иметь успех, может и провалиться; эти синтетические национальные образования могут стать органическими соединениями или же распасться на составляющие; но тот очевидный факт, что эксперимент имел место, является последним свидетельством, что габсбургская монархия и Оттоманская империя умерли и виновник их смерти – одна и та же враждебная сила.

Когда в наши дни пересекаешь Саву, подъезжая поездом к Белграду, любопытно перечитать «Эофен» Кинглейка³⁶. Когда английский

³⁴ После поражения в Тридцатидневной войне и утраты влияния внутри Германии Австрия резко изменила отношение к негерманскому населению Империи (немцы составляли меньшинство). В 1867 г. была провозглашена двуединая монархия, состоявшая из Цислейтании (по «эту» сторону р. Лейты), т. е. Австрии, и Транслейтании, т. е. Венгрии. Каждая часть имела свои правительство и парламент, во главе государства стоял австрийский император, он же венгерский король. В состав Австрии входила Галиция (официальное название – Королевство Галиции и Лодомерии с великим герцогством Краковским) – историческая область, включавшая западноукраинские и восточнопольские земли. По конституционной реформе 1867 г. местный сейм получил определенные права во внутреннем самоуправлении.

³⁵ После первой мировой войны Румыния более чем в два раза увеличила территорию и население за счет Австрии, Венгрии, Болгарии и России.

³⁶ Английский военный историк и поэт А. У. Кинглейк, совершив в 1835 г. поездку по Востоку, издал в 1844 г.

путешественник менее чем столетие назад преодолел пограничную реку, чтобы попасть на оттоманский берег, он чувствовал себя так, словно отправлялся в мир иной. Австрийский гусар, провожавший его до парома, прощался с ним столь торжественно, будто усаживал его в ладью Харона. Непосвященному английскому наблюдателю и простодушному австрийскому солдату граница между Западом и Востоком могла казаться вратами в мир иной. Однако совершенно другой точки зрения придерживался государственный деятель, который из своего кабинета в Вене натягивал струны европейской дипломатии. Меттерних прекрасно понимал, что древние барьеры рушатся, подточенные временем, и дрожжи западного национализма уже распространились на Восток через старую демаркационную линию. Он знал, что политическая реакция в православно-христианском мире будет бурной и неугасимой.

Меттерниха встревожило греческое восстание против османов в 1821 г.³⁷ Наделенный незаурядным политическим чутьем. Меттерних сразу же понял, что выступление горстки людей против власти падишаха представляет собой угрозу власти кайзера. Меттерних настойчиво, хотя и безуспешно, внушал Священному союзу, что принцип наследования должен оставаться нетронутым. Это позволяло бойкотировать греческих повстанцев как нарушителей закона и поддерживать султана Махмуда как помазанника Божьего. С точки зрения сторонников принципа наследования власти, предостережения Меттерниха были вполне своевременны. Ибо триумфальный успех греческих повстанцев – успех, которым они обязаны вмешательству Франции, Великобритании и России, равно как и собственным усилиям, – был событием отнюдь не местного значения. Установление самостоятельного независимого национального греческого государства в 1829-1831 гг. сделало очевидным тот факт, что каждый народ Юго-Восточной Европы рано или поздно придет к осознанию необходимости отстаивать свою независимость и национальное единство. Таким образом,

книгу путевых заметок в сильно романтизированном духе «Эофен» (греч. «На заре», «Чуть свет»).

³⁷ Европейские державы первоначально сдержанно отнеслись к вспыхнувшему в 1821 г. национальному восстанию в Греции, но в конечном итоге Англия, Франция и Россия поддержали его военной силой; Австрия осталась в стороне. Султан Махмуд II (1784-1839), султан с 1808, впоследствии был свергнут) признал в 1829 г. автономию Греции (с 1830 – независимое государство).

греческое восстание 1821 г. в значительной мере предопределило образование Югославии и Румынии в 1918-1920 гг. Действительно, предчувствия не обманули Меттерниха, когда он в лязганье оружия на Пелопоннесе услышал похоронный звон по Дунайской монархии.

Любопытно также на современном уровне знаний сравнить австрийский этос с турецким этосом, с одной стороны, и с баварским – с другой.

Из обломков Дунайской монархии и Оттоманской империи, разрушенных мировой войной 1914-1918 гг., появились Австрия и Турция. Эти две республики странно похожи одна на другую, так как они следовали тому конвенциональному типу современного парламентарного национального государства, который был глубоко чужд и габсбургской, и Оттоманской империи. Однако это формальное сходство Австрии с Турцией не имеет существенного значения в свете их принципиального различия в этосе. Австрийцы, травмированные результатами войны 1914-1918 гг., приняли новый порядок пассивно, со смирением и горечью. Турки в отличие от них после капитуляции снова подняли оружие против победивших держав и добились равноправных переговоров с победителями. Более того, турки усмотрели в катастрофе Оттоманской империи возможность возратить свою юность и изменить свою судьбу. Таким образом, они встретили новый порядок не пассивно, а с открытыми объятиями и стали ревностно ему следовать. Они с радостью ступили на путь вестернизации вслед за своими бывшими подданными – греками, сербами, болгарам и румынами.

Как можно объяснить эти два противоположных психологических явления? Нельзя не признать, что современный турецкий этос представляет собой нечто совершенно новое. Ибо с XV в., то есть с конца динамической эпохи, и до 1919 г. турки, невзирая на все превратности своей истории, были последовательно консервативны. Во дни своего расцвета они тучнели и жирели, а когда наступило неблагополучие, стали малоподвижны и невосприимчивы к невзгодам, словно мулы, которых, сколько ни погоняй, они не прибавят шагу.

Бывшее правящее меньшинство турецких землевладельцев, оказавшись между 1683 и 1913 гг. выброшенным на берег и обнаружив себя среди чужаков и при другом, чуждом им правлении, восприняло внезапный и резкий поворот судьбы столь же пассивно, как австрийцы восприняли крах 1918 г. Одни из них оставляли свои родовые земли и мигрировали в глубь пос-

тоянно сжимающейся Оттоманской империи; другие же, слишком инертные, чтобы совершить даже этот отрицательный ответ на вызов человеческого окружения, смирились, опускаясь постепенно на дно социальной лестницы. Что же касается тех представителей правящего сословия, что удерживались на вершине Оттоманской империи, их могла подтолкнуть к вестернизации социальных учреждений только *большая сила*. Но они действовали половинчато и прилагали минимальные усилия, едва позволяющие империи выжить.

Чем же объясняются кардинальные изменения, охватившие вдруг сознание турок? И как в этом случае следует объяснить обратный сдвиг в австрийских настроениях, крутой поворот от героизма 1682-1683 гг. к «пораженчеству» настоящего времени?

Ответ следует искать в действии закона Вызова-и-Ответа. Венцы более двух столетий жили как имперский народ в своих габсбургских владениях, вместо того чтобы исполнять историческую роль защитников форпоста западного общества против османов. В этом нестимулирующем окружении последнего периода они приучились во всем полагаться на династию, и, когда имперское правительство объявило ультиматум Сербии, что было началом мировой войны 1914-1918 гг., они подчинились закону мобилизации, словно овцы пастуху, не ведая, что идут на живодерню. Ими двигала вера в императора Франца-Иосифа, слепая вера в то, что все, что он предпринимает, есть результат провидения.

Турки, с другой стороны, ответили в свой «одиннадцатый час» на вызов со стороны Запада. Накануне соглашения о прекращении военных действий в 1918 г. турки поняли, что оказались в ситуации, где должны либо победить, либо умереть – отступить было некуда. В этот решающий час они были преданы оттоманской династией, – создавшей не только империю, но и самих османских турок. Это предательство заставило турок полагаться на самих себя и обрекло на борьбу за выживание. Ибо в 1919-1922 гг. турки сражались уже не за своего падишаха и его владения. Они сражались за собственную родину. Турецкий народ был поставлен перед необходимостью выбирать: аннигиляция или метаморфоза. Сила вызова, перед которой предстали турки, была уравновешена соразмерной силой ответа в «одиннадцатый час» их истории. Реверсия в направлении давления между западным миром и основной областью православного

христианства, проявившись под стенами Вены в 1683 г., продолжается затем в виде переноса стимула, что в свою очередь нашло свое отражение в этосе двух сообществ, испытавших на себе ситуацию Вызова-и-Ответа.

Что же касается сравнения Австрии с Баварией, то здесь интересно то, что Бавария и Австрия были первоначально элементами единого целого. Первоначально Австрия представляла собой форпост Баварии, а вернее, ряд ее восточных форпостов, таких, как Верхняя Австрия, Нижняя Австрия, Штирия³⁸.

В течение последних десяти-двенадцати столетий страна, которая начала свою жизнь как восточный форпост Баварии, прошла длинную череду испытаний, предохранив от них внутренние земли Баварии. Сначала Австрию стимулировали повторяющиеся волны атак со стороны аваров, мадьяров, османов, но потом она была расслаблена отеческим деспотизмом Габсбургов. Австрии приходилось исполнять самые разнообразные функции, и каждая фаза ее переменчивой и неповторимой истории оставляла свой след, пока в ее облике и характере не стерлись, не исчезли все собственно баварские черты. В течение того периода, когда восточный форпост Баварии играл решающую роль в жизни западного общества и в жизни всего мира, внутренние земли Баварии оставались одной из тех малых стран, которые «счастливы, не имея своей истории», о чем свидетельствует и тот факт, что Бавария сохранила свое первоначальное название, а Австрия его изменила³⁹. В течение десяти-двенадцати веков баварский этос неизменно оставался локальным, бурным и сангвиническим, тогда как австрийский стал отличаться утонченностью и скептицизмом. Контраст темпераментов жителей этих двух южногерманских католических стран в наши дни просто поражает иностранцев. И вряд ли будет справедливым объяснять его ссылками на расовые различия. Нет причин полагать, что баварское население восточных форпостов отличалось чем-либо от

38 В 976 г. были образованы из южной и юго-восточной частей герцогства Бавария Восточная марка (Австрия, разделившаяся на Верхнюю со столицей в г. Линце и Нижнюю с центром в Вене в XV в.) и герцогство Каринтия, из которого в 1035 г. выделилась Каринтийская марка, позднее названная Штирией. Все перечисленные земли составили ядро владений Габсбургов.

39 Собственного первоначального названия у Австрии не было. Бавария получила имя от кельтского племени бойев, живших на ее территории в последние вв. до н.э.

жителей внутренних баварских земель. Не существует также никаких свидетельств изменения расового состава населения, за исключением того, что оно было разделено на отдельные общины. Единственным правдоподобным объяснением различия между баварским и австрийским этносами в настоящее время может быть объяснение, выведенное из схемы Вызова-и-Ответа.

Западный мир против дальнезападного христианства

Продемонстрировав действие закона Вызова-и-Ответа на материале исторических ответов на внешнее давление, которому подвергались континентальные границы западного христианства, посмотрим теперь на три другие границы того же общества: сухопутную границу с вымершим ныне дальнезападным христианством, обитавшим на британской *alter orbi*; морскую границу с недоразвитой скандинавской цивилизацией, протянувшуюся вдоль французских и английских берегов по Северному морю и Ла-Маншу, и сухопутную границу с сирийской цивилизацией на Иберийском полуострове.

Каков генезис Соединенного Королевства Великобритании? Союз королевств Англии и Шотландии вместе с частью завоеванной ими Ирландии. Эти королевства появились в результате борьбы за существование полудюжины государств-преемников Римской империи, образовавшихся на ее развалинах в течение постэллинистического движения племен. Исследование процесса происхождения Соединенного Королевства, таким образом, упирается в начальный вопрос: каким образом эта борьба за существование между примитивными и эфемерными варварскими княжествами привела к появлению прогрессивных и устойчивых государств-членов западного общества? Если мы задумаемся, почему Английское и Шотландское королевства пришли на смену Гептархии, мы снова вынуждены будем признать, что детерминирующим фактором на каждой ступени был ответ на некий вызов, обусловленный внешним давлением.

Образование Шотландского королевства можно усмотреть в вызове, который был брошен какие-нибудь девять-десять веков назад раннему английскому княжеству Нортумбрия представителями недоразвитой дальнезападной христианской цивилизации – пиктами⁴⁰ и скоттами. Современная столица Шотландии Эдинбург была

⁴⁰ Пикты – древнее население Шотландии неясной этнической принадлежности, ассимилированное в IX в. скоттами.

основана нортумбрийским принцем Эдинбургом как пограничная крепость Нортумбрии против пиктов. Политическим и культурным центром средневековой, как, впрочем, и современной, Шотландии был район, называемый Лотиан⁴¹. Лотиан первоначально служил форпостом Нортумбрии против пиктов и бриттов. Вызов был брошен, когда пикты и скотты завоевали в 954 г. Эдинбург, а на рубеже X-XI вв. принудили Нортумбрию уступить им весь Лотиан. Удалось ли Лотиану сохранить западную христианскую культуру, несмотря на изменение политического режима, или он подчинил чуждой дальнезападнохристианской культуре кельтских завоевателей? Лотиан ответил на вызов «завоеванием завоевателей».

Культура покоренной территории обладала такой привлекательностью для королей скоттов, что они обосновались на этой земле и стали вести себя так, словно Лотиан был их вотчиной. Другой парадокс заключается в том, что шотландский язык стал считаться английским диалектом Лотиана, хотя это был язык гэлов, коренного населения Шотландии⁴².

Завоевание Лотиана скоттами и пиктами привело к тому, что западная граница западного христианства существенно сдвинулась, охватив весь северо-западный угол территории Британии. Новое королевство Шотландии, которое появилось благодаря союзу Лотиана со скоттами и пиктами, усвоило черты западной христианской культуры, которую Лотиан внес в общее богатство новой политической системы Шотландии. Шотландия стала членом западного общества. Таким образом, завоевание Лотиана скоттами и пиктами, первоначально имевшее все признаки передела территорий между западным и дальнезападным христианством в пользу последнего, в действительности обернулось выигрышем для западного христианства благодаря выдающемуся ответу, который Лотиан дал на брошенный ему вызов. Переход от английского к шотландскому правлению обеспечил развитие западного христианства и предопределил деградацию дальнезападного христианства в этой части Британских островов.

Таким образом, покоренная часть одного из княжеств английской Гептархии стала в резуль-

⁴¹ Лотиан – район Шотландии между реками Туид и Клайд и зал. Ферт-оф-Форт.

⁴² Название «шотландский язык» употребляется в двух смыслах: диалект английского языка, сложившийся в Нижней Шотландии в XI-XVI вв., и кельтский язык гэлов Горной Шотландии.

тате ядром одной из двух социальных систем, которым предстояло поделить между собой Британию и слиться в конце концов в Соединенное Королевство. Это была не вполне обычная реакция. Если бы просвещенному путешественнику из Константинополя или Кордовы довелось посетить Нортумбрию в X-XI вв. накануне сдачи Лотиана стоттам и пиктам, он имел бы все основания утверждать, что у Лотиана нет будущего и что если уж какой-нибудь нортумбрийский город может претендовать на звание столицы великой страны, то это никак не Эдинбург, а скорее Йорк. Йорк был расположен в центре обширной тщательно возделанной и плодородной равнины. Когда-то он был основным административным центром римской окраины, а затем превратился и в религиозный центр⁴³. На рубеже IX-X вв. Йорк действительно претендовал на ранг столицы, но не западного, а скандинавского мира, серьезно угрожавшего в то время позициям западного христианства. Однако это скандинавское королевство Йорка рассеялось, как дым. К 920 г. датское королевство Йорка, подобно Северной Нортумбрии, признало вассальную зависимость от Уэссекса. Сложные перипетии норманско-датской экспансии способствовали тому, что Йоркшир все больше и больше включался в систему нового Королевства Англии. В наши дни о былых притязаниях Йоркшира напоминает только обширность его территории. Эти надежды рухнули одновременно с кризисом скандинавской недоразвитой цивилизации.

Нортумбрийским городом, который действительно мог состязаться с Эдинбургом по политической значимости, был Дарем, унаследовавший от Лотиана роль северного форпоста против скоттов, что позволило ему приобрести статус независимого государства, а его кардинал – епископу – некоторые атрибуты суверена.

Западный мир против Скандинавии

В нашем исследовании мы не раз касались скандинавского воздействия на западное христианство. Скандинавское давление было другой

⁴³ Административными центрами Римской Британии были Лондиний (Лондон), Камулодунум (Колчестер) и Веруламей (Эйлебери). Легионы располагались в трех крепостях, ставших впоследствии городами Йорком, Честером и Карлеоном. При организации в VII в. английской церкви примасом ее стал архиепископ Кентерберийский, а вторым лицом и руководителем церкви на севере Британии – архиепископ Йоркский.

внешней силой, оказавшей решающее влияние на создание королевства Шотландия, а также на создание королевств Англия и Франция.

Объединение земель Лотиана с владениями пиктов и скоттов стало первой ступенью в процессе образования Шотландии. К тому времени, когда пикты и скотты завоевали Лотиан, они уже были в союзе, но союз этот оказался непрочным. До начала движения племен, последовавшего за падением Римской империи, пиктам уже принадлежал крайний север Британии. Во время движения племен скотты переправились через море из Ирландии и осели в Аргайле как сила, враждебная пиктам. Однако враждебность двух племен не помешала политическому союзу между ними, который и был заключен в 843 г. Что же так настойчиво толкнуло их друг к другу? Дата говорит сама за себя. Союз был заключен через год после первого рейда викингов на Лондон и за два года перед первым их походом на Париж, а надо сказать, что скандинавские мореплаватели в своих экспедициях зачастую огибали Британию и Ирландию с северо-запада. Вывод напрашивается сам собой: пикты и скотты, первоначально враждовавшие за обладание северной частью Британии, вынуждены были объединиться перед лицом смертельного вызова, брошенного им со стороны викингов.

Если эта догадка верна, то можно представить процесс образования королевства Шотландия как следствие ответов на два последовательных вызова: во-первых, ответ пиктов и скоттов на скандинавский вызов и, во-вторых, ответ форпоста Лотиан на вызов со стороны пиктов и скоттов.

В истории королевства Англия также прослеживается действие ответов на эти же два вызова, причем хронологически вызовы в Англии и в Шотландии совпадают. Так, давление скандинавов на пиктов и скоттов соответствует давлению кельтов на английские княжества Гептархии, а воздействие пиктов и скоттов на Лотиан совпадает с действием скандинавов на английские княжества, которые первоначально соперничали за гегемонию в Южной Британии.

Схожи судьбы и главных административных и политических центров этих регионов. Благодаря своему географическому положению Кент, как и Йорк, был оплотом римской церкви в Британии. Однако географический фактор, который свидетельствовал в пользу того, чтобы Кентерберийский и Йорк стали центрами епархиальных архиепископатов, с другой стороны, препятство-

вал тому, чтобы сделать их столицами королевств. В политическом плане Кентерберри никогда не добился большего, чем стать столицей Кента. Политическая власть в Южной Британии тяготела не к Кенту или Эссексу, которые занимали внутренние земли, а к Мерсии и Уэссексу, двум английским княжествам, стоявшим лицом к лицу с «кельтским краем» на главном острове Британского архипелага. Давление, оказываемое Уэльсом на Мерсию, было сильнее, чем давление на Уэссекс.

В то время когда Мерсия стимулировалась постоянным давлением со стороны Уэльса, Уэссекс выпестовал идею, подсказанную западными валлийцами, пограничный стимул со стороны которых был значительно слабее, – включить Кент и Эссекс в сферу своего политического влияния. Таким образом, в VIII в. создалась ситуация, когда казалось, что Мерсия скорее, чем Уэссекс, даст достойный ответ на давление со стороны кельтского края. Однако в IX в., когда вызов со стороны кельтского края померк перед вызовом, исходящим из Скандинавии, наметившиеся тенденции не получили развития. Мерсия утратила перспективы величия, оказавшись не в состоянии достойно ответить на новый вызов (в конце VIII в. Мерсия истощила свои силы, заболев милитаризмом), тогда как Уэссекс, возглавленный и вдохновленный Альфредом, ответил на вызов победой и, как следствие, стал ядром исторического королевства Англия⁴⁴.

Скандинавский вызов, пришедший из-за моря, породил ответ, в результате которого на смену Гептархии пришло королевство Англия, а из мелких континентальных образований западного христианства сформировалось королевство Франция.

В X в. Священная Римская империя перешла из рук Каролингов в руки Оттонов. А теперь обратим внимание на тот знаменательный факт, что, когда Оттоны сменили Каролингов, они не стали наследниками всей каролингской территории. Из трех частей, на которые были раз-

делены каролингские владения в 843 г., только восточная и центральная части были вновь воссоединены в 936 г., во время правления Оттона I, но за двадцать шесть лет до того, как он принял императорский титул⁴⁵. Ни Оттон, ни его последователи никогда не заявляли претензий на все наследие Карла, что внутренне предполагало титулом императора. Западные земли наследовали Капетинги (в 987 г. состоялась коронация в Реймсе Гуго Капета). Перемена династии соответствовала глубинному психологическому сдвигу, а все это вместе знаменовало начало генезиса Франции. Корона западных франков стала французской коронной в Реймсе в 987 г. Из недифференцированной субстанции империи Каролингов на Западе появилось новое королевство, независимое от Священной Римской империи не только де-факто, но и де-юре. Немаловажно и то, что общественное сознание также воспринимало его как самостоятельное политическое образование. Фактически рождение Франции явилось первым актом длительного процесса, последовательно разворачивающегося в истории западного общества и получившего крайнее свое выражение в наши дни в понятии «принцип национальности»⁴⁶.

Как объяснить то, что Оттоны. Предотвратив распад Священной Римской империи, не смогли воссоединить западную часть империи Каролингов с ее центральной и восточной частями? Выше мы отмечали, что защита континентальных границ западного христианства была первоначальной функцией Священной Римской империи. Эта функция в полной мере была присуща и Франции. Поэтому отделение Фран-

⁴⁵ После смерти последнего германского короля из династии Каролингов. Людовика III Дитяти, в 911 г. престол перешел к потомку Карла Великого по женской линии герцогу Конраду Франконскому, а после его кончины к герцогу Саксонскому Генриху I Птицелову (919-936), по сыну которого, Оттону I, поименована династия, обычно называемая Саксонской. Из обломков владений Лотаря Лотарингия была присоединена к Германии в течение 921-942 гг. Италия формально соединилась с Германией в 951 г., когда Оттон I принял итальянскую корону.

⁴⁶ Историки до сих пор спорят о причинах того, почему после смерти последнего французского Каролинга Людовика V Ленивого (966-987, король с 986) французские бароны, отвергнув дядю покойного, герцога Карла Лотарингского, избрали фактического правителя королевства, герцога Франции (т. е. Иль-де-Франса) Гуго Капета. Одни считают это утверждением национальной династии в противовес немцам Каролингам, другие выделением национального государства из универсальной империи, третьи – усилением власти феодалов, получивших возможность распоряжаться престолом.

⁴⁴ Гегемония Мерсии над остальными англосаксонскими королевствами ослабла еще до начала скандинавских завоеваний. Уэссекс освободился от ее власти в 753 г. Попытки короля Мерсии Оффы (757-796) установить власть над Англией не удались. В 829 г. Мерсия подчинилась королю Уэссекса Экберту. После его смерти в 839 г. набеги датчан, бывшие и ранее, приобрели характер катастрофы, и ими была завоевана почти вся Англия. Лишь король Уэссекса Альфред Великий смог ценой невероятных усилий победить датчан. Его потомок Эдгар (ок. 945-975, король с 959) принял титул короля Англии.

ции следует рассматривать не как результат поражения со стороны империи, а как наделение ее особыми функциями и полномочиями. Появление в X в. королевства Франции, подобно появлению королевства Англии, было ответом на новое внешнее давление, на этот раз со стороны скандинавов. Островное положение спасало Британию от вызовов со стороны континента: Галлию же выручало то обстоятельство, что Карл Великий удачно проложил границу западного христианства – от Рейна до Эльбы. Однако морские границы Галлии и Британии оказались весьма уязвимы, чем и воспользовались викинги. Вызов пришел с моря, и отвечать на него пришлось и Галлии и Британии. Первоначальная граница между Францией и империей в IX–X вв. может быть определена как линия примерного равновесия между двумя противоположными внешними давлениями. С востока ощущалось давление со стороны славян и кочевников, но и оно, и континентальное давление с запада было превзойдено морским давлением со стороны викингов, что усугублялось тем обстоятельством, что, будучи прекрасными кораблями и мореходами, викинги легко проникали на своих ладьях по судоходным рекам в глубь материка.

Локальные ответы на вызов со стороны Скандинавии не только вызвали к жизни два королевства, но определили местоположение их столиц. Королевство Англия объединилось вокруг Уэссекса, окрепшего в сложившейся ситуации и способного ответить на вызов. Старая столица Уэссекса, однако, не стала столицей нового королевства, ибо Уинчестер, хоть и находился в пределах Уэссекса, оказался вне зоны опасности во время борьбы с датчанами. В ходе датского испытания Уинчестер пребывал в относительной безопасности, за что, впрочем, поплатился потерей престижа и власти. Когда Уэссекс, покорив датчан, вырос в Англию, столица нового королевства была перенесена из Уинчестера, ничем себя не прославившего, в Лондон, еще полный жара и героических воспоминаний того дня 895 г., когда он принял на себя удар датской армады, пытавшейся войти в Темзу. Аналогичным образом королевство Франция сочло своим центром не Прованс или Лангедок, средиземноморские берега которых редко посещались викингами, а область, на которую обрушилась вся тяжесть удара скандинавов. Столицей нового французского королевства стал Париж, город, который остановил викингов, когда те поднимали

лись вверх по Сене; подобно Лондону, преградившему захватчикам путь по Темзе⁴⁷.

Таким образом, ответ западного христианства скандинавскому морскому вызову вылился в создание нового королевства Франция со столицей в Париже и нового королевства Англия со столицей в Лондоне. Однако эти два случая проявления творческой энергии, несмотря на всю их действенность, не исчерпывали всей силы ответа. Следует отметить, что в процессе противодействия вызову французский и английский народы выковали мощный военный и социальный аппарат *феодальной системы*, а новый этический и эмоциональный опыт нашел свое выражение в эпосе.

Западный мир против сирийского мира на Иберийском полуострове

А теперь обратим наши взоры на границу западного христианства на Иберийском полуострове, где западный мир соседствовал с сирийским обществом. История этого региона весьма примечательна. Во-первых, именно здесь западное христианство впервые подверглось давлению со стороны чужой цивилизации. Во-вторых, державы, появившиеся в ответ на это давление, стали со временем играть лидирующую роль как носители западной цивилизации.

Что касается первого из этих двух пунктов, то мы видели, что на северной континентальной сухопутной границе западное христианство противостояло только варварам. Давлению со стороны православного христианства Балканского полуострова западный мир не подвергался, пока

⁴⁷ В средние века столицы не имели того значения, как ныне: столица тогда это место коронации монарха либо пребывания его двора, но при слабо развитой администрации король все время перемещался по стране для управления ею. Лондон получил функции главного города страны лишь в кон. XI – нач. XII в. Он стал местом пребывания уэссекских королей потому, что после осады его викингом Гастингсом в 890 г. и изгнания последнего в 897 г. в стране настал мир. Во Франции юг страны никогда не претендовал на роль общенационального центра, наоборот, он все время стремился к обособленности, отличаясь от севера языком и обычаями. С момента завоевания Галлии франками власть всегда находилась на севере, сначала в Париже, после прихода к власти Каролингов вообще в Ахене, вслед за разделением империи Карла – в Ланс. Париж снова стал главным городом королевства с воцарением Капетингов, бывших графами Парижскими. Другое дело, что свержению императора и французского короля Карла III Толстого в 887 г. и избранию предка Капетингов графа Эда Парижского немало способствовало то, что при осаде Парижа викингами в 886 г. Эд активно оборонял город, а император бездействовал.

Оттоманская империя не нанесла удара по Венгрии, что случилось в XV в. А русское православное христианство стало оказывать сильное давление за Запад лишь в XVI в., когда оно напало на Литву. Однако на иберийской сухопутной границе западное христианство оказалось под ощутимым давлением сирийской цивилизации буквально с момента своего зарождения. Ответом на этот вызов стал первый проблеск самосознания западного общества, вынужденного вступить в неравную поначалу борьбу.

Арабское нападение на младенческую цивилизацию Запада было последним всплеском сирийского ответа на эллинистическое вторжение в сирийские владения, ибо, выполнив задачу, оказавшуюся непосильной для зороастрийцев, евреев, несториан и монофизитов, арабы не успокоились, пока не возродили сирийское общество во всем его могуществе. Не удовлетворившись достижениями в масштабах империи сирийского универсального государства, арабы завоевали древние финикийские колониальные владения в Западном Средиземноморье, которые в эпоху Ахеменидов были объединены в единый союз – заморский аналог Персидской империи – под гегемонией Карфагена. Последний из Омейядов правитель Дамаска, был, по крайней мере номинально, хозяином всего сирийского мира – от самых дальних границ империи Ахеменидов на востоке до самых крайних пределов империи Карфагена на западе. Арабы пересекли не только Гибралтарский пролив, но и Пиренеи, а в 732 г. предприняли поход в землю франков, переправив армию через Луару. В битве при Пуатье арабы попытались задуть западное христианство в его колыбели⁴⁸.

Поражение арабов в битве при Пуатье, безусловно, было одним из решающих исторических событий. Ответ Запада на сирийский вызов, данный франками на бранном поле в 732 г., предопределил дальнейшее развитие событий. Творческий импульс франков нарастал в течение восьми веков, пока не был подхвачен португальским авангардом западного христианства. Португальцы, обогнув Африку, стали осваивать новые земли, а кастильский авангард пересек Атлантику, чтобы открыть Новый Свет. Эти пионеры западного христианства сослужили неocenимую службу своей цивилизации, рас-

⁴⁸ Историки по-разному оценивают битву при Пуатье, где франкский майордом Карл Мартелл нанес поражение арабам. Одни считают, что это было событие, решившее судьбу Европы, – спор между христианством и исламом: другие считают, что арабы не собирались завоевывать Францию, и это был обычный, хотя и мощный набег.

пространив ее практически на весь мир. Благодаря этому энергичному предприятию иберийцев западное христианство выросло, подобно горчичному зерну (Матф. 13, 31-32; Марк 4, 31-32; Лука 13, 19), и стало деревом, на чьих ветвях разместились все нации Земли. Основы всемирной вестернизации были заложены иберийскими пионерами западного христианства; энергия, двигавшая их к победе, была вызвана сирийским давлением на Иберийском полуострове.

Португальские и кастильские мореплаватели, распространившись в XV–XVI вв. по всему миру, были наследниками народа, дух которого закалился тридцатью поколениями упорной пограничной войны против мавров на иберийском форпосте. Это была граница, на которой сначала франки отразили волну арабских завоеваний, предохранив тем самым Галлию, а затем Карл Великий нанес сокрушительный контрудар через Пиренеи, где его силы соединились с остатками вестготов в Астурии, и, наконец, в течение постсирийского междуцарствия (прибл. 975-1275), когда пал халифат Омейядов в Андалусии, христианские варвары пиренейских земель успешно состязались за обладание наследством Омейядов на Пиренейском полуострове с мусульманскими берберами, пришельцами из Африки, дикими кочевниками Сахары и еще более дикими жителями гор Атласа⁴⁹.

Зависимость энергии иберийских христиан от стимула, рожденного давлением со стороны мавров, доказывается тем фактом, что эта энергия исчезла сразу же, как только давление мавров прекратилось. В XVII в. португальцы и кастильцы оказались в заокеанском новом мире, который они сами вызвали к существованию. Это историческое событие совпало с исчезновением стимула на родине через уничтожение, изгнание и насильственное обращение оставшихся на полуострове морисков⁵⁰.

⁴⁹ Стремительное ослабление Кордовского халифата началось с 1008 г., с попытки свергнуть халифа Хишам II. За 1009-1031 гг. на престоле побывало 9 халифов, не считая местных претендентов. В 1036 г. халифат был упразднен, и страна распалась на мелкие государства, что облегчило как отвоевание их с севера христианами, так и захват единоверцами из Северной Африки. К кон. 60-х годов XIII в. почти весь полуостров (кроме Гранадского эмирата) был под властью христианских монархов.

⁵⁰ Мориски – потомки оставшихся на Иберийском полуострове после 1492 г. мавров, обращенные в христианство. Подозреваемые в склонности к вере отцов, подвергались преследованиям, что вызвало восстание и полное изгнание их из страны в 1609-1610 гг.

Бросив взгляд в глубь истории, мы обнаружим, что Португалия и Кастилия принадлежали к числу государств-преемников халифата Омейядов на Иберийском полуострове. Почему Арагон, будучи также государством-преемником, не принял участия в широких торговых и экспансионистских экспедициях, начатых братскими королевствами? В недавнем прошлом, в период позднего средневековья, Арагон играл куда более заметную роль в жизни западного общества, чем Кастилия и Португалия. Он блистал, подобно городам-государствам Северной Италии в области культуры, в частности в таких ее сферах, как международное право и картография. Почему же тогда Арагон не включился в общий процесс и даже, более того, позволил своему кастильскому соседу уничтожить себя? Объяснение, возможно, заключено в том, что Арагон лишился стимула мавританского давления на несколько веков раньше других королевств полуострова. Во времена Васко да Гамы и Колумба как Португалия, так и Кастилия были форпостами западного христианства на границе с маврами. Кастилия противостояла мавританскому королевству Гранады, а Португалия – Танжерской провинции Марокко⁵¹.

Территория Арагона, напротив, была изолирована от мавров кастильской провинцией Мурсия, а его война с маврами на Средиземном море закончилась в 1229-1232 гг. захватом Балеарских островов⁵². Таким образом, стимул, который был общим источником энергии для иберийских христиан, утратил значение для арагонцев по крайней мере за два с половиной века до того, как он утратил значение для их кастильских и португальских соседей; и это в некоторой степени объясняет, почему Арагон не принял участия в кампании трансокеанских экспедиций.

Нетрудно заметить, что отношение иберийских форпостов западного христианства к маврам напоминает отношение Дунайской монархии Габсбургов к османам. Державы полуострова

представляли собой форпосты западного общества против враждебной цивилизации, а их энергия была ответом на вызов со стороны этой чуждой силы. Энергия бурно росла, пока давление было смертельным, но, как только давление спадало, исчезал и источник энергии.

Прим. 44

Название «Австрия-Нейстрия» говорит само за себя. «Австрия» – это новое название для новой общественной системы, возникшей на почве разрушенного государства – преемника на восточном, то есть континентальном, форпосте. «Нейстрия» означает «не Австрия», то есть те остатки империи, которые оказались вне пределов нового общества.

⁵¹ В 1235 г. араб Мухаммед ибн Юсуф ибн Наср основал эмират с центром в Гранаде. Он и его наследники лавировали между христианскими государями Испании и североафриканскими властителями. В 1492 г. (год открытия Америки) последний оплот мусульман на Иберийском полуострове пал. Португалия, освободившись от мавров к кон. XII в., захватила Танжер на североафриканском берегу в 1455 г.; плавание Васко да Гамы относится к 1498 г.

⁵² Балеарские острова были завоеваны в 1228-1232 гг., но войны Арагона против мавров продолжались до падения Валенсии в 1238 г.